

Сирийский излом США или Обама в «пасти льва»

Леонид Доброхотов

*доктор философских наук, профессор Социологического факультета МГУ им.
М.В. Ломоносова*

Нынешние события в Сирии давно переросли рамки гражданской войны в отдельно взятой, хотя и ключевой по влиянию арабской стране. Они давно вышли за пределы регионального конфликта при всем огромном значении Ближнего Востока для судеб мировой цивилизации, экономики и политики. Они стали мировым кризисом. Событием большого, а возможно, и переломного геополитического значения. Первым реальным крупномасштабным столкновением Запада с Россией со времен провозглашенного свыше 20 лет назад прекращения якобы «холодной войны». Серьезным вызовом самим основам геополитики США, кризисом ее внешней и внутренней политики. Первым реальным проявлением того, что можно считать признаками возрождения мировой роли России как великой державы и перепостроения отношений России с миром, включая США и другие великие державы, с учетом этой роли. Без которой, по убеждению автора, наша Отчизна не может существовать вовсе.

Ключом к пониманию происходящего, на наш взгляд, можно считать суждение известного американского экономиста Пола Крейга Робертса, полагающего, что главной стратегией США была и остается (по крайней мере до последних событий) мировая гегемония, включающая в себя подчинение России и Китая через активизацию и использование мусульманского фактора как внутри этих стран, являющихся главными геополитическими соперниками Америки, так и по всему миру, прежде всего на Ближнем Востоке.

Второй, не менее важный фактор, объясняющий происходящее, это фактор вечно неспокойного Израиля, проводимая этим государством в регионе предельно задиристая, агрессивная политика.

В статье будут анализироваться в основном события, связанные с обвинениями Сирии в использовании химического оружия во внутреннем вооруженном конфликте в стране и связанными именно с этим внешними угрозами в отношении правительства президента Башара Асада. Однако для понимания реальности не следует забывать хронику предшествующих событий. Тем более, что нас интересует прежде всего геополитический разрез происходящего.

Прежде всего, автор рассматривает политику правительства США и его союзников в отношении Сирии как продолжение и развитие традиционного поведения Америки в преследовании своих геополитических приоритетов с позиции силы. Только в XX веке это была вооруженная интервенция США в Мексику, а затем США и еще 13 государств - в революционную Россию. После второй мировой войны, самыми памятными явились вооруженные агрессии США и организованные американцами свержения правительств в Иране, Корее, Гватемале, Вьетнаме, Камбодже и Лаосе, Ливане, Панаме, Доминиканской республике, Гренаде, а после ликвидации СССР — бомбардировки и свержение президента Югославии, нападение и оккупация Ирака, война в Афганистане, бомбардировки и свержение режима в Ливии. Всего же только с начала XX века по настоящее время США организовали более 30 вооруженных агрессий и переворотов против независимых стран, причем в отношении некоторых из них — по несколько раз.

Основанное на непререкаемых фактах и свидетельствах мнение автора состоит в том, что сам по себе жупел химического оружия в Сирии был изобретен и использован западниками и их суннитскими союзниками (Саудовской Аравией, Катаром, Турцией), а также фондируемыми ими и Западом т.н. повстанцами как предлог для задуманного задолго до этого вооруженного внешнего вмешательства и свержения правительства Б. Асада. В свою очередь, это понадобилось потому, что вялотекущая гражданская война против Асада не только не вела к его поражению, но, напротив, к лету 2013 года стало очевидно: он эту войну выигрывает.

Запад такой исход категорически не уставлял. Почему? По нескольким известным причинам. Первая и главная из них — геополитическая. Сирия у американцев с союзниками, прежде всего Израилем, стояла на очереди после Ирака и Ливии (затея с Египтом у них временно сорвалась) на операцию «асфальтового катка», после чего должна была превратиться в дополнительную площадку для продвижения к следующей цели захвата и подавления — Ирану.

Хроника событий последних двух лет это подтверждает.

В полном соответствии с инструкцией по организации цветных революций, четко изложенной по директивам ЦРУ американцем Джином Шарпом из Бостона в его учебнике «От диктатуры к демократии», вслед за переведшими книгу на арабский язык тунисскими «революционерами», а затем египетскими братьями-мусульманами, к практической реализации задачи приступили сирийские оппозиционеры.

Как известно, начатая в Тунисе и Бахрейне «арабская весна» докатилась до Сирии к марту 2011 года. Мятежники восстали в стране как раз тогда, когда администрация Обамы под давлением Израиля настойчиво пыталась склонить Асада к прекращению его союза с Тегераном и поддержки исламских движений сопротивления оккупационной политике Израиля - палестинской «Хамаз» и

ливанской «Хезболлы». В мире сложилось устойчивое впечатление о том, что мятеж возник (вернее, был организован) именно тогда, когда Вашингтону, его основным западным союзникам и Тель-Авиву стало ясно: Сирия на шантаж не реагировала.

В то время, несмотря на призывы Израиля и его многочисленных друзей в Америке к «жесткому отпору» Дамаску, тогдашний госсекретарь Х. Клинтон все еще ссылалась на взгляд некоторых американских законодателей на Асада как на «реформатора». И действительно, за несколько дней до этого бывший тогда сенатором Джон Керри утверждал, что Сирия находится на пороге изменений, «соглашаясь на разумные отношения с Соединенными Штатами и Западом». Однако, не видя движения навстречу своим требованиям и на фоне ширящегося вооруженного мятежа, вызвавшего резкий отпор правительственных войск Сирии, уже в августе Обама публично призвал к отставке Асада.

В октябре 2011 года США обратились в СБ ООН с призывом осудить «нарушения прав человека» в Сирии и потребовать прекращения насилия. Россия и Китай наложили вето на подготовленную американцами резолюцию СБ на эту тему. В том же месяце Вашингтон отозвал своего посла в Сирии Роберта Форда (вернувшись в декабре, на фоне резко ухудшившихся отношений двух стран, два месяца спустя он убыл вновь). В феврале 2012 года США поддержали предложенную рядом арабских стран новую антисирийскую резолюцию СБ, однако Россия и Китай и на нее наложили вето. Клинтон тогда назвала этот шаг двух стран «достойным презрения».

Застряв в ООН, американцы обратились к своим европейским и арабским союзникам, проведя вместе с ними в Тунисе первую конференцию т.н. друзей Сирии (на самом деле, сторонников вооруженных мятежников и врагов правительства в Дамаске). Очень интересно и важно, что уже в то время разведка США стала предупреждать о массовой инфильтрации в ряды мятежников боевиков Аль-Кайды и других террористов, в том числе из Европы, однако «друзья Сирии» никак не отреагировали на это предупреждение. Более того, в марте 2012 года Обама пообещал предоставить мятежникам «нелетальное» оружие. К тому времени в ходе вооруженного насилия внутри страны, по данным ООН, погибло уже 8 тысяч человек.

На этом фоне Клинтон продолжала рассчитывать на поддержку со стороны России т.н. женеvского процесса мирного урегулирования конфликта на базе создания переходного правительства в ходе переговоров между правительством Сирии и руководителями мятежников. Однако за несколько часов до подписания соответствующего соглашения в июне 2012 года, США и Россия вступили в резкую полемику по поводу того, должно ли оно предусматривать уход Асада с должности президента и вообще из власти в стране. В результате нового конфликта, в июле Россия и Китай в третий раз заблокировали

подготовленный США и их союзниками проект резолюции Совбеза ООН, на этот раз предусматривавший силовые действия против правительства Сирии в случае невыполнения ее условий.

В этих обстоятельствах поиск мирного урегулирования заглох совсем. Арабы проигнорировали призыв США к эмбарго на поставку все более современных типов вооружений мятежникам. В свою очередь, Обама отверг предложение Клинтон, в то время директора ЦРУ Д. Петреуса и других чиновников начать снабжать американским оружием т.н. умеренные оппозиционные силы. В июле ООН сообщала, что в месяц в Сирии погибло уже свыше 5 000 тысяч граждан.

До сих пор так до конца и не ясно, почему тем же летом Обама вдруг заявил, что использование сирийским правительством химического оружия будет означать пересечение «красной черты», после которой поведение США в конфликте резко ожесточится (по его словам, это будет иметь для Дамаска «невероятные последствия»). Дело в том, что Западу, его арабским союзникам и России всегда был известен факт наличия у Дамаска больших запасов такого оружия еще с советских времен и о том, что эта страна не присоединилась к Конвенции о запрете применения такого оружия (обычное объяснение состоит в попытке Сирии защититься таким образом от угрозы применения ядерного и химического оружия, находящегося в распоряжении Израиля).

Возникает вопрос: почему именно в августе 2012 года президент США вдруг в угрожающем тоне заявил о возможности и о последствиях использования химоружия правительственными войсками Сирии? С учетом последующих событий, на которых мы далее остановимся, не явилось ли это уже тогда частью разработанного американцами секретного плана по созданию предлога для внешнего удара по Сирии и силового изменения режима в этой стране по примеру Югославии, Ирака и Ливии?

Тем временем, в ноябре 2012 года ООН довела число жертв сирийского конфликта с его начала до 60 тысяч человек. В декабре США официально признали воюющую против правительственных войск т.н. Коалицию оппозиционных сил «законным представителем сирийского народа». Что не помешало американцам тогда же включить одну из групп антиправительственных мятежников — Фронт Нусра, связанный с Аль-Каидой, в черный список террористических организаций.

В январе 2013 года Обама вступил во второй срок своего президентства, и уже в марте мятежники и правительство Сирии начали обвинять друг друга в использовании химического оружия, причем США тут же заявили о начале самостоятельного расследования и поиска виновных. Что, однако, не помешало новому госсекретарю Джону Керри отправиться в Москву в целях возобновления «женевского процесса». Впрочем, в ходе переговоров опять возникли непреодолимые разногласия по поводу судьбы Асада. В результате «Женева-2» вновь за-

буксовала. И вновь возникает вопрос: почему США упорно добиваются всегда одного и того же: смещения, а затем физического уничтожения не угодных им законных руководителей независимых стран — членов ООН?

Что, однако, не помешало высшим военным руководителям США летом того же года выступить с мрачными оценками растущей роли Аль-Кайды и других террористических групп в происходящих в Сирии событиях. Их эти факты сильно смущали с точки зрения поставки «повстанцам», среди которых все труднее стало отделять агнцев от козлищ, обещанных американцами современных вооружений, имея в виду опасность их попадания в руки террористов и последующего расплозания по всему миру.

В июне 2013 года американская разведка объявила о том, что сирийские правительственные войска в нескольких боях якобы использовали малые дозы нервно-паралитического газа. С августа 2012 года прошло меньше года. Судя по всему, американский план «замочки» Асада обвинениями в использовании химоружия начал осуществляться.

21 августа, на следующий день после прибытия в Сирию по инициативе США наблюдателей ООН по расследованию этого инцидента и на фоне крупных успехов правительственных войск в освобождении территории страны от мятежных сил, пришло сообщение о массированном использовании в одном из пригородов Дамаска химического оружия против мирных граждан, в результате чего, по утверждению повстанцев и американцев, погибло более 1400 человек, из них 400 детей. Это сообщение и подсчет жертв произошли так же мгновенно, как и распространение теми же мятежниками душераздирающих кадров о конвульсиях умирающих от химического отравления людей. США тут же «с высочайшей долей уверенности» обвинили в этом преступлении сирийские власти. Западные СМИ и арабские телекомпании типа катарской «Аль-Джазиры» немедленно поддержали эту версию и данные о числе погибших, распространяя пугающие кадры жертв химатаки, по сути, готовя психологическую почву в мировом общественном мнении для американского «удара возмездия» по режиму Башара Асада.

Обама и его окружение выступили с прямой угрозой «ограниченных» военных действий против Асада в качестве «наказания» его режима. Американские ВМС с крылатыми ракетами на борту встали на якорь в восточном Средиземноморье. Джон Керри назвал химическую атаку «моральным непотребством» и, по сути, начал выстраивать политическое обоснование для американской вооруженной интервенции.

В это время Россия при согласной позиции Китая тут же выдвинула серьезные сомнения как в достоверности самих аргументов США, Франции, Британии и руководства НАТО, не исключая «постановочного» (то есть, фальсифицированного) характера распространяемых видеоматериалов жертв

атаки, так и в убедительности других фактов, выдвигаемых Западом в качестве «неопрровержимых». И действительно, даже с точки зрения психологической лингвистики в заявлениях западных политиков (того же Обамы и Керри) обращало на себя внимание отсутствие безоговорочных утверждений о том, что виновными в применении химического оружия были именно сирийские правительственные войска (в них преваляли фразы «скорее всего», «следует предполагать», «можно сделать вывод» и т.п.).

При этом самым уязвимым моментом в заявлениях президента и госсекретаря была ссылка на некие данные американских спецслужб, которые невозможно было предъявить миру вследствие их секретности (впоследствии часть этих данных была показана избранным членам конгресса на закрытых заседаниях комитетов по обороне и разведке, но как выяснилось, и их они не убедили).

Кроме того, российская сторона указывала на отсутствие убедительных и неопровержимых фактических данных, подтверждающих вину правительства Асада (как говорил Путин, если под любым предлогом факты не предъявлены, считай, что их нет). И весьма аргументировано задавала западникам вопрос о том, какой смысл эта акция имела для данного правительства вообще в условиях явного своего перевеса в военных действиях, да еще под присмотром наблюдателей ООН. Россия интересовалась и тем, не были ли значительно более заинтересованы в этой атаке мятежники, их арабские спонсоры и сам Запад (прежде всего США и Израиль) в поисках легитимизации давно ими задуманной войны, направленной на свержение правящего в Сирии режима.

Тем не менее, в конце августа в Москве были почти уверены в том, что решившись на использование «химического» аргумента, Вашингтон под нажимом прежде всего Саудовской Аравии, будучи сам крайне разочарован неспособностью повстанцев свергнуть Асада самостоятельно, был готов к удару по Сирии со дня на день. Как уже указывалось, самыми рьяными его сторонниками в этом, помимо саудитов, были в то время президент Франции Ф. Олланд и британский премьер Д.Кэмерон. И как признался впоследствии Владимир Путин, для него, как и для самого Кэмерона, стал совершенно неожиданным случившийся в Лондоне облом.

Дело состояло в том, что, страдая от своей все более растущей непопулярности и падения рейтингов, страшая повторения судьбы «болонки Буша» бывшего премьера Тони Блэра, погоревшего на участии в катастрофической войне в Ираке, не менее преданный Вашингтону Кэмерон все же решил подстраховаться и заручиться одобрением парламента. Хотя и незначительным большинством, но палата общин после бурных дебатов отвергла участие страны в войне. Причина очевидна: все тот же иракский синдром и общий антивоенный, вернее, антиинтервенционистский тренд в Британии, который старейший в мире орган парламентской демократии просто не мог игнорировать. После чего якобы «потре-

сенный» (а на самом деле очень довольный тем, что удачно выкрутился) премьер объявил, что после такого голосования парламента любые военные действия Британии против Сирии исключены.

Под сильным впечатлением «ухода в отказ» важнейшего военно-политического союзника, Джон Керри, министр обороны Чак Хейгел, а также пресс-секретарь Белого дома сгоряча тут же заявили, что в таком случае Вашингтон будет действовать в одиночку. Но не прошло и двух дней, как с потрясшим Америку и мир заявлением выступил уже сам Обама: по его словам, хоть и имея формальное право как президент и Верховный главнокомандующий на единоличное принятие решения об ударе, он счел необходимым «посоветоваться с конгрессом». Ибо: самим США не грозит непосредственная опасность (хотя до этого он же утверждал, что в Сирии якобы «затронуты жизненные интересы национальной безопасности США»); данные опросов показывают, что «значительное» число граждан США против этой акции; Британия отказалась в ней участвовать.

Наша же точка зрения состоит в следующем: Обама просто решил «соломки подстелить», в открытую стянув у Кэмерона лицензию на перестраховку. Согласившись с президентом, конгресс взял бы на себя часть ответственности в случае катастрофических (как в Ираке) последствий вторжения для США и всего мира; не согласившись, освободил бы его от явно тягостного и вынужденного действия (ниже мы попытаемся показать, что это было действительно так).

Тем не менее, и сам Обама, и Керри, и Хейгел, и председатель объединенного командования штабов генерал Мартин Демпсей, другие высшие сотрудники администрации в канун рассмотрения обращения президента в комитетах и на пленарных заседаниях палат конгресса, в форме срочно организованных телефонных звонков, секретных брифингов и публичных слушаний суетливо бросились убеждать конгрессменов и сенаторов поддержать удар. А почувствовав растущее сопротивление на Капитолийском холме, президент даже заявил, что в случае отказа конгресса в поддержке, даст команду о нанесении удара самостоятельно.

В воздухе запахло конституционным кризисом, начались разговоры о том, что в случае такого развития событий, против Обамы в том же конгрессе может быть возбужден процесс импичмента. Дело в том, что вообще-то по существующим законам и в соответствии со сложившейся практикой, президент как Верховный главнокомандующий и так, без одобрения конгресса, имел право на ограниченные военные действия за рубежом продолжительностью не более 90 дней. И обращение Обамы к законодателям многие из них восприняли именно как попытку переложить на них ответственность за крайне рискованное и сомнительное мероприятие. Но уж поскольку Обама это сделал и его официальное обращение было получено, нанесение удара по Сирии при отказе конгресса его поддержать рассматривалось бы как прямой вызов законодательной власти и вообще всей системе разделения властей.

В большинстве своем находившиеся на летних каникулах в своих округах демократы и республиканцы в обеих палатах конгресса, при этом подогреваемые резкими антивоенными протестами избирателей (а в Америке в отличие от нас такие протесты не тетка, и запросто в случае «неправильного» голосования могут стоить сенатору или конгрессмену места на очередных или промежуточных выборах), все более открыто и массово высказывали свое нежелание поддерживать президента в ходе предстоящего голосования по его запросу (к этому эпизоду мы еще вернемся).

В условиях нараставшего внутривосточного кризиса, к находившемуся в Санкт-Петербурге на саммите двадцатки Обама, разыгрывавшему из себя обиженного на Россию за предоставление убежища сотруднику АНБ Эдварду Сноудэну, на дипломатическом ужине подошел Путин, и между ними состоялся 20-минутный частный разговор. Впоследствии выяснилось, что он имел чуть ли не судьбоносный характер и для Сирии, и для Обамы, и для Путина. Ибо, судя по всему, в ходе разговора вчерне двумя президентами (но по инициативе Путина) была согласована схема выхода из тупика путем отказа правительства Сирии от всех запасов химического оружия в обмен на отказ США от ракетного удара по ее территории. Все остальное было делом техники.

Через пару дней Джон Керри вдруг «проговорился», что можно было бы отказаться от удара, если бы (что само по себе невероятно, невозможно, тут же добавил он), Асад вообще отказался от своей «химии». Его тут же «поймал на слове» Сергей Лавров и предложил посредническую роль России именно в этом — в химическом разоружении Сирии (и «чудом» оказавшийся рядом с ним в Москве в этот момент министр иностранных дел Сирии Валид Муаллем с этим немедленно согласился).

Говорят, что Обама в сложившейся в стране и в мире ситуации (на саммите двадцатки половина участников отказалась от поддержки военной агрессии США, в самой Америке, и в конгрессе, и в народе растущее, преобладающее большинство также было против) не просто «некуда было деваться». Это было для него выходом из тупика, в который он сам себя загнал (американцы применили к его тогдашней ситуации более грубое словосочетание — *dog's box*). «Президент Обама в отчаянии ухватился за эту оливковую ветвь», - написал консервативный комментатор Бен Шапиро.

В результате 9 сентября президент обращается в конгресс с просьбой отложить голосование, авторизирующее военный удар. В обращении к нации 10 сентября он, все еще пытаясь убедить американцев поддержать удар, «если дипломатия не сработает», тем не менее явно сделал упор на дипломатию. В тот же день Асад объявил о готовности Сирии войти в конвенцию ООН о запрете химоружия и распрощаться со своими запасами этого оружия. Через неделю Си-

рия присоединилась к конвенции, и сейчас в этих целях в стране уже работают сотрудники международной Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО). Все это стало возможным в результате переговоров Лавров-Керри и появления в результате этого единогласно проголосованной резолюции СБ ООН, из которой несмотря на сильнейшее сопротивление западных партнеров, России удалось изъять все угрозы применения силы против сирийского правительства.

Таким образом, на момент подготовки этой статьи можно говорить о потенциально важнейшем прецеденте выхода из опаснейшего международного кризиса. Удар США и Франции по Сирии мог вызвать непредсказуемую реакцию Израиля, Ирана, «Хезболлы», «Хамаса» и общую войну на Ближнем Востоке, в котором Россия и США оказались бы противниками в «опосредованном» военном конфликте со всеми вытекающими отсюда последствиями. Этого удалось избежать, хотя сама по себе гражданская война в Сирии продолжается при непримиримых позициях сторон конфликта и столь же непримиримых позициях США, НАТО и их арабских союзников с одной стороны, и России, Китая, Ирана и многих других стран с другой по вопросу сохранения у власти режима Б. Асада.

Понятно также и то, что сначала сам вопрос о применении химического оружия был провозглашен, а потом, скорее всего, это оружие было практически использовано мятежниками как предлог для ракетной атаки на позиции правительственных войск и центры управления Сирии в условиях истощения ранее использованных средств решения главной геополитической задачи США — ликвидации Асада. Но поскольку нет никаких сомнений в том, что эта цель сохраняется и сегодня (США, как показывает их история, почти никогда не отказываются от достижения однажды намеченных целей не мытьем, так катаньем), возникает вопрос о том, как же теперь - если химическое оружие в Сирии будет действительно ликвидировано под международным контролем - американцы будут добиваться этой цели.

Впрочем, в начале октября 2013 года после очередной встречи с С. Лавровым, Джон Керри вдруг заявил, что оба министра согласились: «военный сценарий разрешения конфликта (в Сирии) невозможен и неприемлем». И в связи с этим США все еще рассчитывают на проведение конференции «Женева-2» по урегулированию ситуации в этой стране. Такому удивительному просветлению госсекретаря, еще за месяц до этого выступавшего с воинственными угрозами и призывами, можно было бы лишь порадоваться, сочтя это результатом усвоенного урока, преподнесенного Россией. Однако вызывает глубокое сомнение, что этот человек, на глазах всего мира только что совершивший головокружительный кульбит от «голубя» до «ястреба» и обратно, при малейшем изменении ситуации и подвернувшейся возможности добиться своего, не совершит сальто-мортале в противоположном направлении.

Кроме того, пока крайне сложно прогнозировать не только успех, но и сам факт проведения встречи в Женеве. Во-первых, ободренный последними внешнеполитическими успехами, президент Асад заявил, что будет принимать участие в переговорах лишь с мирной или сложившей оружие оппозицией, а не с «воюющими террористами». А это, разумеется, категорически не устраивает противоположную сторону. Во-вторых, важнейшим является вопрос о том, каково состояние этой стороны (напомним, что согласно договоренностям Лавров-Керри, правительственную делегацию Сирии приводит в Женеву Россия, а за участие в переговорах оппозиции отвечают США).

Читатель помнит, что массовую и самую боеспособную часть этой оппозиции составляют «Аль-Каида» и аффелированные с ней террористические группировки. С самого начала те же американцы и другие западники понимали, что участие в конференции подобных элементов невозможно ни с какой точки зрения, что и было самым главным затруднением для ответов на брифингах соответствующих западных деятелей. В этих условиях Керри и его люди усиленно занимались сбиванием в единую, хотя бы «зонтичную» коалицию других, якобы более «умеренных» оппозиционеров. Эта организация представлялась миру как «Национальная коалиция». Ее военным (сражающимся с правительственными силами) крылом объявлялась «Свободная сирийская армия», возглавляемая Высшим военным советом.

Однако 5 октября выяснилось, что сразу 13 наиболее известных военных группировок отвергли свое участие в «Национальной коалиции» и присоединились к аффелированному с «Аль-Кайдой» фронту «Аль-Нусра». Подобное скандальное решение, подрывающее саму основу успеха Джона Керри в выполнении своей части обязательств, было объяснено как ответ на «недопустимое давление» со стороны США.

Но и это не является единственной проблемой. Вроде бы лояльный Вашингтону Высший военный совет оппозиции в тот же день в очередной раз заявил, что он отрицает «диалог с террористическим режимом Сирии» (имеется в виду правительство этой страны). По его словам, «приемлемым минимумом» были бы переговоры оппозиции с некими арабскими и мусульманскими государствами, которые придерживаются выставленных Коалицией условий: «необходимости отставки Асада, передачи власти и привлечения к ответственности тех, кто совершил преступления против сирийского народа». Позднее было подтверждено, что оппозиция также отвергает участие в переговорах представителей Ирана (на чем помимо Сирии настаивает и Россия).

Кроме того, в интервью западным журналистам лидеры оппозиции неоднократно выражали крайнее разочарование начавшимся по инициативе России процессом химического разоружения Сирии и соответствующей резолюцией СБ ООН, ибо все это лишает их главного, чего они добивались: военного удара

западных союзников по режиму Асада как главному и решающему фактору, который бы позволил им одержать военную победу.

Очевидно, что при таких ожиданиях и требованиях обеих сторон переговоры между ними маловероятны в принципе, не говоря уж о возможности их позитивного исхода. И, тем не менее, главное уже произошло: считавшийся неминуемым американский военный удар по Сирии был предотвращен, причем по инициативе России, что полностью изменило всю геополитическую картину в регионе, и не только там.

В связи с этим нас интересуют три немаловажных вопроса: что ознаменовал сирийский кризис во внутренней политике США; что решающая роль Москвы в разрешении наиболее опасной фазы кризиса означает для международного положения России; что этот кризис и его во многом неожиданное развитие означают с точки зрения мировой геополитики и геополитики США.

Сирия как катализатор бунта в США: американцы устали воевать

Сирийская история показала: иракский урок не забыт в Америке. Повторения его нация не хочет. Об это активное нежелание обломали зубы администрация, воители в обеих фракциях конгресса и вынуждены были отступить. Прежде всего выяснилось, что американским законодателям стало трудно, или вообще невозможно голосовать против собственных избирателей. Так, один из них сообщил, что в его округе 97 процентов избирателей против любого военного вмешательства США в Сирии. В целом, в начале сентября 2013 года поддержка военного удара американским общественным мнением начала ослабевать.

Так, согласно опросу Гэллап за 3-4 сентября, 36 процентов взрослых американцев поддерживали интервенцию своей страны в Сирию в связи с выдвинутыми в адрес ее правительства обвинениями в использовании химоружия. Однако уже тогда 51 процент опрошенных оказались против при 13% не определившихся. При этом Гэллап отметил, что обычно американцы склонны поддерживать военные акции своей страны после того, как они начинаются. К примеру, перед вторжением США в Ирак в 2003 году 59% одобряли идею этой акции, а после вторжения и вообще 76%. Первоначальная поддержка войны в Афганистане в 2001 году была еще выше — 82% - а после начала военных действий вообще поднялась до 90%.

Но на этот раз, по выводу того же Гэллап, низкий уровень поддержки военной акции в Сирии явился лишь отражением общего тренда в стране. «Американцы — по крайней мере, вначале — значительно более активно поддерживали предыдущие военные предприятия, — сообщили сотрудники Гэллап. — Однако более чем через десятилетие после конфликтов в Афганистане и в Ираке в обществе сохраняется усталость от войны». Отражая эти настроения, стала меняться позиция многих сенаторов и конгрессменов.

6 сентября корреспондент «Нью-Йорк таймс» сообщил из Мидвест-сити, штат Оклахома о том, как этот процесс отразился на члене Палаты представителей республиканце Томе Коле. Вначале этот склонный к компромиссам с исполнительной властью ветеран конгресса, избравшийся туда уже шесть раз, склонялся к поддержке изначально воинственной позиции Обамы. Но избиратели круто изменили его мнение на противоположное. Прямо на автостоянке в провинциальном городе, узнав его, одна из женщин ему сказала: «Здесь все говорят «нет» (удару по Сирии). По словам Кола, «опыт с дорогой на Дамаск» именно под влиянием избирателей выглядит теперь для него совсем по-иному.

Другой конгрессмен - республиканец Мик Малвани из Южной Каролины (вообще-то правый по своим взглядам политик) заявил, что за годы его пребывания в конгрессе ни один вопрос не получал такого эмоционального отклика среди населения, как сирийский. По его словам, сказать, что «99 процентов против, было бы еще переоценкой поддержки» военного удара. Из более чем 1000 полученных им звонков и электронной почты лишь в трех (!) откликах поддерживался такой удар.

Конгрессмен Кэндис Миллер, республиканка из Мичигана, рассказала, что была на совсем не политическом мероприятии — «фестивале персиков» в ее округе, но и там люди, в том числе ветераны, постоянно подходили к ней и требовали голосовать против войны.

Показательным является и наблюдение корреспондента «Нью-Йорк таймс» в округе Тома Кола на юго-западе штата Оклахома — оплоте республиканцев, эпицентре антиобамовских («антисоциалистических») настроений и господства традиционно милитаристского духа с учетом наличия большой базы ВВС с 8 тысячами военнослужащих и 15 тысячами гражданского персонала. Но и там протесты против военного вмешательства в Сирию были почти единодушны. Результатом явилось удивительное просветление ума и у самого конгрессмена от этого округа. Говоря о положении в Сирии, он сказал: «Ведь это гражданская война, это опосредованная война между региональными державами, и это религиозная война. Есть ли здесь какая-либо прямая угроза безопасности Соединенным Штатам? Нет. На самом деле нет».

В результате аналогичных «летних впечатлений» и других обитателей Капиталийского холма, стало очевидным, что большинство не только в доминируемой республиканцами нижней палате, но возможно, и в продемократическом сенате, будут голосовать против удара. Так, согласно подсчетам газеты «Вашингтон пост», из 433 членов палаты представителей 222 твердо собирались проголосовать «нет» или склонялись к этому, 184 не определили свою позицию и лишь 24 поддерживали удар. В сенате большинство мест (54 против 46 у республиканцев) принадлежит демократам, но в канун предполагавшегося голосования большин-

ство из 99 сенаторов так и не определилось со своим решением, в то время как для поддержки сенатом удара по Сирии требовалось 60 голосов.

Отсюда возник вопрос: что же делать в этой ситуации президенту? Начинать войну вопреки мнению законодателей? Но такое возможно представить где угодно, включая Россию, но только не в США. Ветеран американской журналистики Питер Бейкер написал в этой связи в «Нью-Йорк таймс» о том, что подобное решение Обамы изолировало бы его в стране навечно. Более того, это почти наверняка вызвало бы попытку палаты представителей подвергнуть его импичменту.

Однако нам более верным представляется другое объяснение обращения Обамы за разрешением или одобрением к конгрессу — легитимизировать истинный настрой главы Белого дома на то, чтобы не делать ничего в случае ожидаемого отказа законодателей. Как писала «Уолл-стрит джорнэл», идея о том, что президент, не проявив воли к принятию самостоятельного решения об ударе, вдруг наберется дерзости и сделает это вопреки мнению конгресса, «граничила с фантазией». Зачем же президенту вообще нужна была эта затея? Можно предположить, что он действовал под объединенным прессингом военно-промышленного, финансового, саудистского и израильского лобби (что примерно одно и то же), сам не испытывая от этой идеи большого энтузиазма.

Однако во всем происходившем в дни Вашингтонского «сирийского кризиса» был и сохраняется до сих пор еще один важнейший аспект, в полной мере проявившийся в другом, даже более опасном кризисе в октябре вокруг т.н. отставки правительства и угрозы дефолта по долговым обязательствам США. Речь идет о расколе элит в США и резком падении авторитета как законодательной, так и исполнительной власти в глазах американского народа.

Что касается Обамы, то, как писал бывший сотрудник демократической администрации Клинтона Дэвид Роткопф, отказ конгресса поддержать предложенный Обамой удар по Сирии стал бы «катастрофой» для президента. «Он подтвердил бы представление о нем как о «хромой утке» в самый ранний период второго президентства во всей новейшей истории, — считал Роткопф. — Он стал бы выглядеть ослабленным и вряд ли смог бы чего-то добиться за оставшееся время у власти». От себя хотим предложить читателю представить себе, как и с каким результатом разворачивалась бы в этом случае схватка Обамы с республиканцами по бюджетным вопросам месяц спустя.

Кстати, в ходе схватки вокруг Сирии на Капиталийском холме сложилась казавшаяся прежде невероятной коалиция крайне правых республиканцев из «чайной партии» и левых либералов-демократов. И те, и другие открыто заявляли о намерении голосовать против удара.

Все это вместе взятое заставило известного американского журналиста, дважды лауреата Пулитцеровской премии Дэвида Рода сослаться на мнение Чарльза Блоу в «Нью-Йорк таймс» о наступлении в Америке «эпохи безверия», когда

народ перестал доверять и президенту, и конгрессу. Все началось с войны в Ираке, но «длинный список других полуправд опустил общественное доверие к государственным институтам до рекордно низкого уровня».

Надо отметить, что события в октябре-ноябре во внутренней политике США только усугубили ситуацию. Устроенный республиканцами под диктовку своей «чайной партии» кризис с «закрытием правительства» и угрозой дефолта страны резко подорвали доверие американцев и к законодателям, и к президенту. Позднее провал со «знаковой» инициативой Обамы по обеспечению американцев бесплатными медицинскими страховками еще сильнее ударил по президенту. В результате доверие к конгрессу опустилось в стране до рекордных 32 процентов.

Еще более драматичным видится сейчас ситуация с Обамой. Судя по всему, на его популярности губительно сказывается коммулятивный эффект очевидной «сирийской слабости» президента, а также скандалов вокруг «закрытия правительства», дефолта и закона о страховках. В любом случае, по оценкам агентства Франс пресс, «несуразности» второго срока президентства принесли ему рекордно низкие рейтинги и вдребезги подорвали доверие к нему американского народа.

Опрос телекомпании Эн-би-си и газеты «Уолл-стрит джорнэл» от 1 ноября снизил рейтинг одобрения деятельности Обамы до 42%. Неделями позже, опрос агентства «Пью» дал ему 41%. 13 ноября традиционно авторитетное исследование университета Куиннипиак выставило президенту уже 39%. В том же исследовании американцы впервые высказали мнение, что Обама «ненадежный» и «нечестный».

По мнению американских социологов, подобные цифры свидетельствуют о том, что он не может более рассчитывать на солидную поддержку общества, которое могло бы поддержать его погрязшее в кризисе президентство. И сравнить его судьбу можно лишь с тем, с чем столкнулся Джордж Буш-младший, который после окончания своего второго срока еле выкарабкался из Вашингтона с жалкими 34% рейтинга одобрения его деятельности.

Как указывает Рот, первым грехом Обамы на посту президента стали противоречия в его политике. По многим вопросам, связанным с войной с террором, он нарушал собственные обещания или занимал непоследовательную позицию. Теперь же президент требовал от американцев довериться ему по сирийскому вопросу. Но они отказали ему в доверии.

Во-первых, встал вопрос о политике США на Ближнем Востоке в целом. Ранее Обама говорил американцам, что США должны вытаскать себя из этого региона. Он продекларировал «поворот к Азии» - региону, по его словам несравненно более важном для экономического будущего США. И поэтому — говорил он - из Ирака и Афганистана мы должны уйти и никогда туда больше не возвращаться.

В течение двух лет то же самое говорилось о Сирии. Но теперь президент заявляет, что действия в этой стране вдруг стали «жизненно важны» для Америки. Вопрос: почему именно сейчас?

По словам Рота, одним из «удивительных» для США явлений (и это действительно так — Л.Д.) стал тот факт, что несмотря на неистовую поддержку удара по Сирии со стороны прежде казавшихся всемогущими в своих лоббистских возможностях правительства Израиля и американо-израильского общественного Комитета, и они не смогли переломить нежелание законодателей начинать войну, включая консервативное крыло республиканцев, ранее всегда активно поддерживавшее Израиль.

Что касается Обамы, то недоверие к нему справа не новость, писал Рот. Консерваторы не доверяли ему годами. Однако что реально угрожает президенту, это отсутствие доверия со стороны его либеральной базы. Со времени переизбрания на второй срок либералы предъявляют растущий список невыполненных им обещаний. К примеру, он предпринял лишь вялую (по сути, никакую) попытку закрыть американскую военную базу и тюрьму в Гуантанамо. Настаивал на скрытных, держащихся в секрете от общественности ударах дронов (в частности, в Пакистане и Йемене, где это по данным ведущих западных правозащитных организаций «Амнисти интернэшнл» и «Хьюман райтс уотч» приводит к многочисленным жертвам среди мирного населения — Л.Д.) и жестко отстаивал разоблаченную Эдвардом Сноудэном расширяющуюся слежку АНБ за гражданами США и других стран, в том числе таких как Франция, Германия, Бразилия, Мексика и т.д.

В результате кандидат, который как считали либералы, вернет в борьбу с террором главенство закона, продолжил незаконную практику Джорджа Буша-младшего. Посвятив большую часть обоих своих президентских сроков расширению власти имперского президентства, теперь вдруг Обама обратился к конгрессу с просьбой поддержать его по Сирии...

Рот отметил, что аналогичное недоверие к США выражается и за границей. Европейцы, ожидавшие результата обещанных американцами антитеррористических мер с точки зрения обеспечения своей безопасности, сегодня испытывают разочарование. Утечки же от Сноудэна оказались вообще катастрофичными для имиджа США. От Германии до Мексики АНБ шпионило за иностранными лидерами, при этом настаивая, что ничего подобного не делает.

Не менее жестко откомментировал сложившуюся ситуацию на страницах «Нью-Йорк таймс» и другой известный журналист Росс Доутхэт. «Леди и джентльмены, добро пожаловать в фиаско внешней политики», - начал он свою статью. И продолжил: «С самого начала было очевидно, что у президента Обамы в сирийской гражданской войне не было ничего, кроме плохого выбора. И, тем не менее, теперь он нашел способ поставить и конгресс в аналогичную

проигрышную позицию. Когда палата представителей и сенат будут голосовать по поводу авторизации удара по Башару Асаду, они будут делать выбор между двумя в равной степени катастрофическими решениями: или поддержав косвенную войну между многими противоборствующими сторонами, то есть сделав то, чему судя по всему, сам Белый дом в принципе не может найти оправдания, или же проголосовав так, что это фактически покончит с нынешним президентом как с заслуживающим доверия актором на мировой сцене».

Любопытно, что аналогичным образом оценивали провал, в котором оказалась внешняя политика США не только либералы из «Нью-Йорк таймс», но и неоконсерваторы со страниц «Уолл-стрит джорнэл». По словам известного ястреба Нормана Подгореца, цитировавшего «дальновидного специалиста в области международной политики» Конрада Блэка, «ни с момента дезинтеграции Советского Союза в 1991 году, ни перед падением Франции в 1940 году, просто не было такой быстрой эрозии мирового влияния, как мы наблюдаем сегодня в случае Соединенных Штатов».

Фактор Путина

Но произошло еще нечто, что Западу и особенно Вашингтону не могло прийтись и в страшном сне: на фоне указанного провала демонизированный и заклеянный там Владимир Путин из России неожиданно вырвался на передний план мировой политики. Его «подход» на саммите в Петербурге к разыгрывавшему из себя обиженного Обаме и проведенный им в состоявшемся разговоре «мозговой штурм» привели к кардинальному развороту всей мировой политики. От прямой угрозы «Большой войны» на Ближнем Востоке с катастрофическими последствиями для всего мира - к политическому решению проблемы сирийского химического оружия, что заставило говорить о «ренессансе классической дипломатии», основанном на нормах международного права как предпочтительном варианте решения сложных конфликтов. Все остальное стало делом техники.

В результате звездой мировой политики, по крайней мере ситуационно, вместо лауреата Нобелевской премии мира Барака Обамы стал Владимир Путин. Причем признание его заслуг началось с консерваторов. Известный правый американский блогер Мэтью Драдж вообще назвал его «лидером свободного мира». Но позитивные суждения о российском лидере появились и в таких общепризнанных изданиях, как журнал «Форин афферс», издаваемый Советом по внешней политике США. Простое объяснение состоит в том, что как выяснилось, Путин оказался по одну сторону баррикады с большинством американцев — противников вмешательства США в войну в Сирии.

Как писал в те сентябрьские дни научный сотрудник Гарвардского университета Симон Сарадзьян, «первопричиной увеличения позитивных откликов о России является то... каким последовательным, пронизательным и эффективным был Путин в решении таких проблем, как Сирия и Сноудэн в сравнении с его за-

падными партнерами. Вопреки давлению со стороны США, он и не подумал изменить свою позицию, и как показали опросы, значительная часть американского общества значительно ближе к его позиции, чем к позиции Обамы... в противодействии вовлечению в гражданскую войну в другом государстве».

По мнению экономиста Клиффорда Гэдди, последние несколько недель показали, какой сложной политической фигурой является Путин. «Он, возможно, наиболее серьезный противник, с которым сталкивалась Америка на протяжении длительного периода времени, — говорит Гэдди. — Он умен и беспринципен, мастерски использует слабости и ошибки людей в игре против них — то есть, использует умения, полученные во время работы офицером КГБ».

Агентство Ассошиэйтед пресс в этой связи отмечало еще одну неожиданно привлекающую к нему симпатии многих в США черту — путинский консерватизм, как социальный (поддержка Русской православной церкви и отсутствие поддержки сексуальных меньшинств), так и финансовый (стремление к обеспечению сбалансированности бюджета, низким налогам и т.п.). Для некоторых консервативных американцев, пишет АП, это делает Путина более привлекательным, чем их собственный президент.

«То, что (американские правые) говорят о Путине, вызвано прежде всего... их оппозицией Обаме, — говорит Гэдди. — Они ненавидят Обаму, они не выносят обамовскую внешнюю политику и его команду в области безопасности — Сьюзен Райс (советницу президента по нацбезопасности), Саманту Пауерс (посла США при ООН) и т.д. и т.п. И как только Путин взял на себя роль непререкаемого лидера оппозиции запланированной Обамой интервенции против Сирии, он неожиданно стал выглядеть более симпатично».

«Путин не спас Обаму, он его побил», - не без удовлетворения написал Ли Смит в еще одном консервативном издании — еженедельнике «Уикли Стэндарт».

Очевидная поддержка Путиным закона, ограничивающего в России права ЛГБТ может быть другим фактором. Правые считают, отмечал Гэдди, что Путин перехватил у США лидерство в области внешней политики в то время, когда команда Обамы посвятила эту политику продвижению ценностей, к которым они — правые — испытывают абсолютное отвращение, таким как права секс-меньшинств. «Вот почему они из чисто провокационных соображений противопоставили Обаме имидж Путина как «хорошего парня».

Что бы за этим не стояло, писало агентство АП, в нынешнем мире образ Путина как «крутого» лидера достаточно уникален, особенно в сравнении с мягкотелым стилем руководства Обамы, Кэмерона, Олланда или Ангелы Меркель. «Все сейчас нуждаются в лидерстве, - признает сотрудница Бруклинского института и соавтор книги «Владимир Путин — оперативник в Кремле» Фиона Хилл. — (Путин) имеет в этом перевес».

Аналогичные оценки содержались и в аналитической статье агентства Рейтер под заголовком «Как Владимир Путин похитил ответ Белого дома Сирии». В ней содержалось признание редактора правого американского журнала «Нью Рипаблик» Джулии Йоффе»: «Есть два чистых победителя в этом крушении в замедленном темпе. И это не Обама или Керри. Это Асад и Путин» (23 октября лондонская «Дейли телеграф» заявила, что теперь «западные лидеры должны смириться с тем, что Асад выигрывает и контролирует ситуацию... И в долгосрочной перспективе больше в интересах Запада — стабильная Сирия с Асадом у руля, чем неуправляемая страна, где будут процветать исламские террористические ячейки»).

Во всем происходившем в те сентябрьские дни заключалось проявление не просто глубоких противоречий, но настоящего кризиса американской внешней политики (внутренний кризис в США произошел в октябре, когда демократы, республиканцы и Белый дом оказались в конфронтации по бюджетно-финансовым вопросам, оставившей большинство американцев в еще большем возмущении от конгресса и президента, чем их провал по Сирии).

Ведь вышеописанная американскими журналистами ситуация действительно налицо. Как написал Томас Лифсон в журнале «Америкен Синкер», «Это — колоссальная победа Путина и поражение Обамы».

Да, по сирийскому вопросу внешняя политика Вашингтона была действительно стреножена Путиным. И это вызвало там крайне неоднозначную реакцию — не только злорадство правых противников Обамы, но и болезненную со стороны большей части элиты и большей части общества — тех американцев, которые привыкли (особенно после 1991 года) к пониманию своей страны как единственного и незаменимого мирового лидера, а Россию считали не более чем побежденной стороной, с которой в принципе можно было и не считаться. В этом смысле самый болезненный удар по самолюбию американцев был нанесен не только самим фактом «перехвата» Путиным ожидавшегося ими очередного военно-политического триумфа на Ближнем Востоке, но и тем, что осуществлен этот удар был, как им казалось, законченным подранком.

Как опытный политик Путин это понял и расчетливо нанес еще один удар в самое больное место американской души, заявив в своей исключительно профессионально написанной статье в «Нью-Йорк таймс» об отрицании Россией исключительности Америки. То есть по главному символу веры американцев, на котором воспитывались поколения граждан этой страны. Причем нанес тогда, когда под влиянием провалов в Ираке и Афганистане, а главное — углубляющимся на глазах финансово-экономическом кризисе и явной утерей США лидирующих позиций в мире, сама элита и сами граждане фактически стали приходить к тому же выводу.

Как отмечалось в обзоре Би-би-си, сначала политический истеблишмент Америки - и консерваторы, и либералы - дружно заклеил путинский текст. Однако первыми спохватились именно консерваторы, осознав, что президент России в своей статье, по сути, не сказал ничего нового, что бы ранее не говорил сам Обама. На сайте консервативного журнала «Америкэн спектейтор» Джеймс Пиерсон заметил, что Путин повторил буквально то, что американские либералы и левые (откуда и вышел Обама как политик) говорят с начала 60-х годов.

«И где мы уже слышали изложенные Путиным принципы? - вопрошал Пиерсон. — Да они являются основными символами веры американских либералов, которые десятилетиями твердят, что США не должны применять силу без санкции ООН, что нам не следует вмешиваться в гражданские войны за границей, и что идея американской исключительности — это миф, рассчитанный на то, чтобы маскировать преступления против женщин и нацменьшинств на родине и против бедных и угнетенных за границей». По словам Пиерсона, «в наши дни в любом крупном вузе США читают курсы по мультикультурализму и американистике с нападками на концепцию американской исключительности, которая толкуется как проявление национальной спеси».

Автор продолжает: «Представление о том, что Америка является исключительной страной, зародилось вскоре после Революции, когда люди из поколения основателей обратили внимание на то, что США были первой страной, основанной на универсальных принципах свободы и равенства. Они были «первой новой страной» и образцом для подражания. Но в сегодняшних студгородках Америки это представление клеймится как фикция, поскольку, несмотря на свою риторику, ее правящие классы потакали рабовладению, расовым предубеждениям и национальным предрассудкам. Академическая американистика сосредоточена на систематическом развенчании идеала американской исключительности, поскольку считает, что он служит оправданием привилегий белого человека и применения американской мощи за границей... Это символ веры либералов и левых с эпохи вьетнамской войны».

Получается, заключал Пиерсон, что критикуя высказанные Путиным принципы, американские либералы изменяют своим собственным. По сути, ту же точку зрения тогда же в сентябре высказали и известнейшие американские консерваторы и правые. Так, Пэт Бьюкенен заявил, что своей колонкой Путин «попал в точку», поскольку апеллировал к той половине американцев, что и Обама (на них тот опирался, их приоритеты отражал в ходе обеих своих выборных кампаний — Л.Д.). А публицист Эндрю Клейван в статье на сайте rjmedia вообще полагал, что Путин и Обама — единомышленники.

Впрочем, в американской прессе можно найти и противоположную этому точку зрения. В статье Пегги Нунан в «Уолл-стрит джорнэл» приводится мнение одного эксперта по внешней политике, согласно которому сам Путин хотел

бы иметь дело с Ричардом Никсоном, то есть «американским президентом, с которым он мог бы по-настоящему вести переговоры, суровым игроком, который может обсуждать геополитику и нужды своей страны и с которым можно «перетереть» и найти выход. Но вместо этого он имеет Обаму, заикленного на себе харизматика, который не видит разницы между шоу-бизнесом и стратегией и любит нагружать собеседника своими моральными озарениями».

В любом случае мы приходим к выводу об уникальности сложившейся в США ситуации, когда по совершенно разным ценностным и политическим причинам многие правые, левые и либералы в этой стране оказались объединены полным неприятием не просто предполагавшейся сирийской авантюры, а основной линии всей внешней и военной политики Вашингтона на протяжении десятилетий — политики интервенциализма и навязывания всему человечеству интересов американского крупного капитала и ВПК. Силы, об огромной опасности которой для Америки и всего мира еще в середине прошлого века предупреждали, уходя на покой, такие знаменитости, как президент Дуайт Эйзенхауэр и сенатор Уильям Фулбрайт.

Новый изоляционизм?

Уникальность ситуации проявилась и в том, что под влиянием «сирийского синдрома» на повестку для общенациональной дискуссии в США вернулась философия изоляционизма, казалось бы, давно отошедшая в историю и в последние десятилетия поддерживавшаяся там лишь горсткой крайне правых, объединенных в основном вокруг либертарианского по своей идеологии Института Катона в Вашингтоне (Cato Institute).

Как отмечалось в американской печати, ставшее очевидным нежелание президента и конгресса влезать в очередную «историю» за рубежом стало лишь отражением уже давно сложившегося мнения большинства американцев. Два проведенных в сентябре общенациональных опроса показали, что большинство граждан страны вопреки всем кармам об американском лидерстве и якобы возложенной на них самим господом ответственности за остальное человечество откровенно рады уступить эту роль другим странам, а в случае с разрешением кризиса в Сирии — России и Владимиру Путину.

По данным этих опросов, приведенных в статье «Вашингтон пост», лишь 34% американцев полагают, что США должны играть лидирующую роль в разрешении международных конфликтов, а 72% против усилий своего правительства по свержению руководителей других стран вне зависимости от того, заслуживают они этого или нет.

По словам авторов статьи Аарона Блейка и Сина Салливана, сейчас американцы даже еще более решительно против интервенций своей страны за рубежом, чем на пике протестов против войн в Афганистане и Ираке. Американские комментаторы при этом отмечали, что «лидер свободного мира» не был охвачен

подобными изоляционистскими настроениями с 30-х годов прошлого века. Как известно, по окончании второй мировой войны эти настроения в США сменились на горделивое самомнение о себе как о неизвестно кем уполномоченном единоличном «защитнике» угодного Штатам мирового порядка.

Как известно, десятилетиями, если не столетиями американцы преследовали свои навязчивые идеи мирового лидерства под стягом насильственного осчастливливания человечества их моделью демократии. Знаменательно, что сегодня от этого склонны отказаться даже республиканцы. Так, по данным Би-би-си, если при Буше 60% членов этой партии считали, что Америка должна устанавливать в мире демократию, то сейчас эта пропорция сократилась до 19 процентов.

В этой связи очень показательна статья Патрика Смита в журнале «Салон». По его мнению, американцам следует надеяться на то, что «план Белого дома, руководящего страной-изгоем США по бомбардировке Сирии отправится в утильсырьё раз и навсегда, поскольку это поражение на мировой сцене предохранит Америку от вовлечения в новую интервенцию, рассчитанную на извлечение максимума из каждой ближневосточной нефтяной скважины».

По словам Смита, у США теперь появился шанс покончить, наконец, со своей старой, маниакальной претензией на мировое лидерство, которая не соответствует урокам истории, убедительному обоснованию или (как в данном случае) фактом из утренних газет, если их правильно интерпретировать. Подобные шансы часто не появляются. Воспользуемся же им и уберем из нашей внешней политики элемент назойливой иррациональности, востребовавшей миллионы жизней во время нашего «американского века» и вновь и вновь доказывающей свою опасность, заключает этот автор.

По словам других американских наблюдателей, помимо США, пока еще остались другие мыслящие интервенционистским образом страны, демонстрирующие растущую готовность влезать в такие места в мире, которых Америке следовало бы избегать. По словам Сюзан Кески из интернет-издания «Уик», Франция, которую «высмеивали как мышь, лезущую в мышеловку на запаха сыра» накануне вторжения в Ирак в 2008 году, вновь оказалась в авангарде вторжения в Ливию, затем в Мали и теперь она же громче всех призывает к военным действиям против Сирии. Вывод: вот пусть такие «мышь» и таскают геополитический «сыр» для Штатов, если хотят. А сами американцы уже устали от этого.

Тема этой геополитической «усталости» США в связи с конфликтом в Сирии подробно рассматривается в ключевой по важности публикации — Говарда Лафранчи в газете «Крисчен сайенс монитор» от 29 сентября. Как утверждает автор статьи, «после десятилетия войн на Ближнем Востоке и в мусульманском мире, и после «великой рецессии» (имеется в виду финансовый кризис 2008 года — Л.Н.), измотавшей Соединенные Штаты экономически и психологически, американцы, судя по всему, собираются сушить весла и забыть об остальном

мире. Из одного опроса в другой процент американцев, предпочитающих избегать вовлечения в мировую политику, достигает рекордных величин — наивысших за последние 70 лет».

Что же касается Обамы, пишет Лафранчи, то опросы, проведенные в ходе его сентябрьской 10-дневной кампании по завоеванию общественной поддержки плана «наказать» Сирию, выявили большее сопротивление этому плану, чем всем непопулярным президентским интервенционистским инициативам последних десятилетий.

Более того, опросы выявили, что американцы, вступившие в сознательную жизнь на рубеже нового тысячелетия, особо остерегаются вовлечения в глобальные дела, а это свидетельствует о том, что указанный тренд будет влиять на роль Америки в мире и на перспективу.

Впрочем, подчеркивает автор статьи, в то время как ряд экспертов и ученых мужей возвещают приход нового изоляционизма, другие считают: если это и произойдет, то не так скоро. И либертарианцы, и «прогрессивные интернационалисты» в один голос говорят о том, что после войн в Афганистане и Ираке, которые стоили США много крови и денег (хотя самим этим странам многократно больше), американцы стали мыслить решительно не интервенционистски.

Это не обязательно означает, что они хотят самоизолироваться от остального мира. «Они бы хотели, чтобы Америка продолжала взаимодействовать с миром, но не в одиночку. К чему они питают отвращение — это к Америке как к «Мистеру Fix-it» (рекламный образ «Мистера-Почини» — Л.Д.), особенно в том случае, если решение включает в себя военную интервенцию», — отмечает Лафранчи.

В наши дни американцы сторонятся применения силы. Они хотят заниматься своими делами в собственной стране — приводится в статье мнение организатора национальных опросов из авторитетного «Исследовательского центра Пью» Андрию Кохута, обнаружившего в июле 2013 года, что почти половина американцев (46 процентов) предпочла бы, чтобы США «занимались своими собственными делами», позволяя другим странам «жить так, как они хотят самостоятельно».

При этом те, кто не согласны с искушением оставить мир в покое, по-прежнему в большинстве (их 50%). Однако Центр Пью и другие опросные организации регистрируют падение на 15% в сравнении с пиком после 11 сентября 2001 года числа тех, кто поддерживает вовлечение США в мировые дела.

Заслуживает внимания мнение Говарда Лафранчи о том, что одной из причин, по которой преобладающее настроение в нынешней Америке ассоциируется с изоляционизмом — это история страны, в частности, период после первой мировой войны, когда изоляционизм в США был в зените. В 20-е — 30-е годы американская антипатия к ужасам войны и их замешательство перед непрекращаю-

щей политической конфронтацией в Европе привели тогда к общему желанию сидеть дома и избегать конфликта на своем континенте.

По мнению некоторых историков, сравнение нынешних событий на Ближнем Востоке с тем, что творилось в Европе около века назад, играет роль своеобразного катализатора для тех американцев, кто «хочет домой». Как считает цитируемый в статье эксперт по военным интервенциям США и изоляционизму в государственном университете штата Орегон Кристофер Николс, «американцы в 20-е — 30-е годы испытывали глубокую усталость, и неясные, трудные для понимания и по всем признакам не поддающиеся решению проблемы в Европе лишь усилили тогда мнение, что Америке не было смысла вновь туда влезать».

Сегодняшние параллели с Ближним Востоком, особенно после войн в Ираке и Афганистане, очевидны для эксперта. Этот опыт лишь усиливает понимание в стране того, что интервенция — это не путь решения американских проблем. И тогда, и сейчас сильный импульс — «не лезть за границу, когда существует масса проблем для решения дома». Николс видит и другое сходство между эрой изоляционизма после первой мировой войны и сегодняшним временем: в обоих случаях «политические радикалы из неинтервенционистского спектра, от консервативных «традиционалистов» в области внешней политики до борцов за мир, формируют удивительный альянс против вмешательства США в конфликты за рубежом».

К примеру, сейчас либертарианец, сенатор Рэнд Пол (республиканец от штата Кентукки) и любимец «чайной партии» сенатор Тед Круз (республиканец от штата Техас) выступали против интервенции США в Сирию с использованием риторики, очень похожей на ту, с которой выступают левый сенатор Берни Сэндерс (независимый от штата Вермонт), антивоенная группа «Коуд пинк» или бывший конгрессмен-республиканец Деннис Кусинич, протестовавший против интервенции США в Ливию.

«Дьявол присутствует по обе стороны конфликта (в Сирии)... и я не вижу никакого четко выраженного американского интереса», который бы оправдывал участие Соединенных Штатов в этой гражданской войне, — говорит сенатор Пол. «Это не задача войск США обеспечивать полицейскими мерами соблюдение международных норм в отношении химического оружия», - считает сенатор Круз. «Американский народ разделяет озабоченность президента в отношении химического оружия в Сирии, - полагает сенатор Сэндерс.- Но в своем подавляющем большинстве... он хочет решать этот вопрос дипломатическими методами... а не односторонними военными действиями».

Вывод К. Николса: «Мы видим крайние полюса американских левых и правых, объединившихся против интервенции в Сирию, так же как мы видим пацифистов и изоляционистов 30-х годов, сблизившихся в их сопротивлении вмешательству в международные конфликты и даже в пользу всеобщего разоружения».

В конце 40-х годов, напоминает автор статьи, в США разгорелись бурные дебаты в отношении степени участия страны в послевоенном устройстве мира. Одним из лидеров движения «невмешательства» был влиятельный сенатор из штата Огайо Роберт Тафт, получивший прозвище «мистер Республиканец». Тафт яростно боролся против участия США в только что сформированном блоке НАТО, который по его убеждению неминуемо вовлекал страну в выполнение полицейских функций в мире и создавал «профессию милитаристов». Вместо этого он призывал Штаты укрыться в «крепости Америка».

По мнению Лафранчи, сравнение линии Тафта с ныне происходящими в США и в мире процессами «работает постольку поскольку», ибо все понимают: видение Америки, укрывшейся за забором и обособившейся от мира, сегодня уже нереализуемо.

И, тем не менее, мы являемся, возможно, свидетелями подъема в США «нового изоляционизма» — с одной стороны, опирающегося на печальный опыт провала двух ближневосточных войн и сомнительных с моральной точки зрения аргументов в пользу продолжения американских интервенций за рубежом, но в то же время, признающего необходимость глобального взаимодействия, особенно в плане содействия мировой торговле (в чем так остро нуждается сегодня экономика США, добавим от себя — Л.Д.).

«Что мы видим сегодня — это что-то наподобие изоляционизма, но не в той степени, как это было в 20-е — 30-е годы, - считает Джеймс Меерник, эксперт по политике использования военной силы во внешней политике США из Университета Северного Техаса. — Для нынешних США это уже просто невозможно». Глобализированная экономика, торговые отношения США (с внешним миром) и признание международного измерения растущего числа проблем — от терроризма до изменения климата — означает «признание людьми, что мы сегодня уже не можем сегодня просто закрыть лавку и забыть об остальном мире», — говорит он.

Однако опыт с войнами в Ираке и в Афганистане, также как и интервенции в Ливию, выглядевшей в глазах американцев как успех, пока исламисты там в условиях наступившего после этой интервенции хаоса не уколошили четырех граждан США, включая посла, предельно ожесточили отношение в стране к военному вовлечению за рубежом, особенно в гражданские войны на Ближнем Востоке (еще более горький опыт агрессии против Кореи и Вьетнама в Штатах, судя по всему, благополучно забыт).

Убийство посла Кристофера Стивенса в ливийском городе Бенгази, благодаря его ключевой роли по организации свержения Муаммара Кадаффи и его правительства выглядевшего в глазах в то время проамериканской оппозиции в это стране прямо-таки героем, по словам Меерника, «поставило в центр внимания то смятение, которое стали испытывать американцы в целом по поводу наших ин-

тервенций на Ближнем Востоке, подчеркивая долговременные сомнения о том, кому же на самом деле попытаются помочь Штаты в ходе происходящих в регионе гражданских войн, кто же там на самом деле «хорошие парни» и в реальности, наносят ли американцы с их участием поражение «Аль Каиде», или наоборот, усиливают ее».

Думаю, что для наших студентов и преподавателей должен быть особенно интересен взгляд на идею «нового изоляционизма» упоминавшихся ранее «миллиалс» - американских молодых людей, родившихся на рубеже нового тысячелетия, которым сейчас от 18 до 29 лет. Так вот выяснилось, что это поколение больше, чем большинство американцев, хотело бы избежать вовлечения в мировые дела, «передохнуть» от мировых конфликтов.

Как отмечает Стивен Кулл, директор программы по выработке подходов к внешней политике Университета штата Мэриленд, «на протяжении многих десятилетий около двух третей американцев полагали, что США должны играть активную роль в мировой политике, хотя политика на этом направлении и шла по нисходящей. Но недавно мы стали замечать их озабоченность, что Америка слишком далеко заступила за рубежи страны, в особенности на Ближний Восток, что наше присутствие там было неэффективным и более чем что-либо иное вызвало обратную негативную реакцию».

В прошлом году опрос, проведенный Чикагским советом по международным отношениям показал, что более половины (52%) американцев- представителей возрастной группы от 18 до 29 лет заявили: они предпочитают, чтобы их страна вообще «не участвовала» в мировых делах. Их было значительно больше, чем тех 38% всех американцев, кто предпочел опцию «участвовать» ответу «играть активную роль». При этом Кулл отмечает, что и эти 38% сторонников пассивного пребывания США в мировой политике — это самый высокий показатель такого рода за семь десятилетий.

В конце концов, пишет Лафранчи, очевидное нежелание «миллиалс» впутываться в дела других стран вполне объяснимо. Эксперты замечают, что эти молодые люди росли, видя Америку, подвергающуюся атакам террористов, а затем отвечавшую на эти атаки, отправляясь на одну войну за другой. Их мировоззрение было также сформировано Великой рецессией, приведшей к годами продолжавшимся сварам по поводу бюджетного дефицита и растущего национального долга, обостренного расходами на военные авантюры за рубежом.

Для американской молодежи глобальный финансовый крах был отнюдь не абстракцией. Он был реальностью в виде слабого спроса на рабочие места, а для многих — снижением жизненного уровня. Эти факторы, наряду с твердой уверенностью в бесполезности использования военных мускулов, могут объяснить «уход в себя» (то есть, во внутренние проблемы Америки) после взрыва интер-

венционалистских эмоций в стране как реакции на события 11 сентября 2001 года, отмечает автор статьи.

От себя надо добавить и то, что молодое поколение американцев крайне болезненно восприняло отношение их страны к тем, кто участвовал в качестве военнослужащих в указанных авантюрах. Несмотря на все обещания и всю патристическую демагогию политиков, рекрутировавших молодежь на войну, очень многие, вернувшись с фронтов, столкнулись с безработицей, бедностью, нищетой, а инвалиды войны — с отсутствием необходимой медицинской помощи. То есть — с равнодушием государства и общества.

«Мы могли оказать ограниченное влияние (на страны — объекты интервенций США — Л.Д.), но оно долго не продлилось, — говорит на страницах газеты Даниела Оливерас, студент колледжа в Бостоне, штат Массачусетс. — Взгляните в прошлое: мы видим, что происходило, когда мы отправлялись в другие страны и пытались убедить их жить так, как мы. Но этого никогда не происходило».

Подобные прагматические заключения в отношении неэффективности американских интервенций за рубеж — в особенности на Ближний Восток — очень далеко отстоят от сантиментов по поводу американской исключительности и неких моральных обязательств Америки перед миром, которые можно было обнаружить в речах Обамы, убеждавшего народ страны в необходимости военных ударов по Сирии, - делает вывод Лафранчи. Он напоминает, как Обама обращался к авторитету правивших до него президентов, к примеру, к рейгановскому видению Америки как «сияющего храма на вершине холма», когда он — Обама — напоминал своим слушателям про готовность Америки «действовать», более того, говорил им, что «мы должны действовать» для противодействия мировому злу — ибо это то, что «делает нас исключительными».

Очень показательно, что тут автор «Крисчен сайенс монитор» делает вполне позитивную отсылку к Путину. По его словам, «слова Обамы вызвали отповедь со стороны российского президента, который использовал «страницу мнений» в «Нью-Йорк таймс» для ответа своему партнеру в США: «Очень опасно провоцировать людей на то, чтобы видеть себя исключительными, каковы бы ни были мотивы для этого».

Другие же говорят, продолжает Лафранчи, что подобные пустозвонные отсылки к «особой роли» США все более отчуждают американцев, которые отвергают все, что хотя бы отдаленно напоминает односторонние действия США. «Если исключительность — это оправдание для интервенции, то она сажает на мель все цели многосторонней политики, - говорит Николс из Орегонского университета. — Призывы к действиям, основанным на американской уникальности, несовместимы с совместной работой в международном сообществе, и именно это сбивает с толку американцев».

Как выяснил Обама, его призывы даже к «скромным усилиям» по военному вмешательству в Сирии натолкнулись на стену скептицизма со стороны американского народа, — пишет Лафранчи. Для таких историков, как Анджо Басевич из Бостонского университета, эта стена возникла на протяжении более чем трех десятилетий американских интервенций на Ближнем Востоке — от Рейгана, высадившего морских пехотинцев в Бейруте, до Обамы, организовавшего одномоментное увеличение числа американских войск в Афганистане. По его словам, за все это время ни одна из предполагавшихся Америкой целей ни разу не была достигнута.

Эндрю Басевич (кстати, автор недавно вышедшей книги «Границы мощи. Конец американской исключительности») практически повторяет вывод среднего американца о том, что интервенции на Ближний Восток «не сработали», когда он говорит о том, что «военные предприятия» США в этом регионе не сделали его ни более стабильным, ни более демократичным и не укрепили авторитет Америки в глазах мусульманского мира.

В то же время автор статьи в «Крисчен сайенс монитор» со ссылкой на других экспертов верно отмечает, что теперь, когда американцы пришли к выводу, что больше не хотят быть мировыми полицейскими, это совершенно необязательно говорит о том, что они хотели бы, чтобы их страна обособилась от остального мира. Уже цитировавшийся ранее Стивен Кулл из Мэрилендского университета (соавтор работы «Не понимая народ: миф о новом изоляционизме») считает, что одна из причин, по которой нынешние настроения в США были названы «изоляционизмом» состоит в том, что в вопросниках в ходе опросов общественного мнения отвечающим предлагают выбор лишь между двумя опциями: изоляционизмом или интервенциализмом, хотя по его мнению, американцы хотят другого — третьего пути.

По словам Кулла, «у социологов есть тенденция полагать, что общественное мнение развивается линейно, между «да» и «нет», позитивом и негативом, или в данном случае, изоляционизмом или интервенциализмом. Однако если вы превратите эту линейку в треугольник, то получите другой результат».

Предложите на выбор американцам триаду опций — одностороннее вовлечение (за рубежи страны), не вовлечение, и совместное с мировым сообществом вовлечение — и соблазн уединения окажется для них менее сильным».

Так, в ходе опроса Гэллапа 2011 года американцам были предложены на выбор четыре варианта того, какую роль их страна должна играть в мире: никакую, очень скромную, большую, но не лидирующую, и лидирующую. В результате только 16% опрошенных поддержали лидирующую роль, в то время как очень ограниченное число американцев — всего 7 процентов — предпочли бы, чтобы США вообще не играли никакой роли.

Вывод Кулла: мы видим, что люди уходят от поддержки вовлечения Америки в военные конфликты за рубежом в доминирующей роли, свидетелями чего они были на протяжении последнего десятилетия, поскольку считают эту роль слишком односторонней. Однако они в подавляющем своем большинстве поддерживают более кооперативную с другими странами форму вовлечения в случае, когда в ходе опросов им предоставляется такой выбор.

Так, Кулл считает, что президенту могло бы потребоваться немало времени и усилий, чтобы привлечь большинство американцев к поддержке военной интервенции на Ближнем Востоке, тем более при отсутствии непосредственной угрозы стране, как это было в ситуации после 11.09.01. Однако если бы и сейчас Обама смог доказать, что мир поддерживает его план военного удара по Сирии, а сама операция будет носить многонациональный характер, в этом случае даже нынешняя Америка, сторонящаяся интервенций и предпочитающая им собственные газоны, якобы могла бы поддержать такой курс.

Правда, Стивену Куллу можно было бы напомнить, что в отличие от обстановки после катастрофы 11 сентября 2001 года, мир уже давно не поддерживает Америку, устав от ее кровавых бесчинств за рубежом не меньше самих американцев. А что касается участия в таких бесчинствах, то как известно читателю, кроме реакционных монархий Персидского залива и президента Франции Олланда — добровольной марионетки этих режимов и Израиля — других желающих в мире не нашлось. Даже британцы и те увильнули.

В конце статьи Лафранчи напоминает читателям знаменитую фразу Джона Куинси Адамса (президента США, а до этого первого американского посланника в России), который почти два века тому назад высказался в том смысле, что хотя Америка и «преисполнена самыми добрыми пожеланиями свободы и независимости для всех», «она не отправляется за границу в поисках монстров для их изничтожения».

Как считает автор статьи, вследствие наступления «американского века», последовавшего за «лидирующей ролью Америки в уничтожении нацистского монстра в Европе» (насчет ее лидирующей роли — это более чем спорное утверждение — Л.Д.), а тем более наступления глобализации (второй попытки американизации мира — Л.Д.) эти мысли Адамса, возможно, потеряли свою актуальность. Однако, замечает автор, «сегодня американцы демонстрируют стремление играть в мире более скромную роль». Думается, что реальные, в отличие от ожидаемых, последствия их «лидирующей роли» и «глобализации» как для самих США, так и для всего мира являются основной причиной такой смены приоритетов.

«Кризис сознания» в американской внешней политике

Впрочем, надо иметь в виду, что далеко не все в Америке мыслят ныне подобным образом. К примеру, Хойт Хилсман в либеральном интернет-издании «Хаф-

фингтон пост» утверждает, что для Америки было бы неумно рассчитывать на то, что другие нации будут поддерживать мировой порядок. Ведь даже если США «иногда, случайно, делают ошибки за рубежом, дела пойдут значительно хуже, если они отступят и позволят России или Китаю, в обоих случаях серийным разрушителям прав человека, взять на себя роль мирового полицейского».

Вывод Хилсмана состоит в том, что «бывают времена, когда американцы чувствуют, что они вынуждены выступать в защиту своих ценностей свободы и открытости». А также в том, что экономика США «зависит от стабильного и безопасного мира, в котором рынки могут оперировать свободно и мирно». И таким образом, добавляет он, «решим мы или нет быть мировым полицейским, мы все равно должны быть частью мировой полиции». О том, что ранее принесла миру и самой Америке эта роль мирового жандарма — смотри выше. Это понимает сегодня уже большинство американцев. Но не такие как Хилсман.

Нам в России, конечно же, понятно, что сходство мнений большинства правых, левых и рядовых американцев в осуждении внешней политики своей страны не могло не вызвать серьезнейшей тревоги и разочарования истеблишмента США, который, по словам Нила Монро еще на одном консервативном сайте «Дейли коллер», считает происшедшее вокруг Сирии крупнейшим провалом внешней политики со времен известного неудачника и слабака - президента Джимми Картера.

И второе. Особенно унижительным для многих американцев стало осознание ими того факта, что именно Путин, по сути, спас их президента Обаму от глухого тупика, в который он сам себя загнал по сирийскому вопросу. А Америку — от очередной внешнеполитической авантюры, которая могла закончиться для нее и для значительной части мира еще большей трагедией, чем все предшествовавшие авантюры. Как сообщило 14 сентября агентство Рейтер, 75% американцев поддержали разрешение сирийского кризиса дипломатическими мерами. По данным Гэллапа, 72% опрошенных в сентябре поддерживали предложенный Россией план химического разоружения Сирии и лишь 18 процентов были против.

Впрочем, мы должны при этом реально осознавать уровень антироссийских настроений в Америке сегодня. Так, по данным того же Гэллапа, впервые за последние 15 лет в том же сентябре 2013 года число американцев, негативно относящихся к России, превысило число тех, кто доверяет Москве. В этом месяце 44% граждан этой страны считали Россию дружественным государством, в то время как число тех, кто считает Россию враждебной или недружественной, выросло до 50%.

При этом только 19% опрошенных выразили позитивное отношение к президенту Путину, в то время как 54% американцев относятся к нему негативно. Причины «новых симпатий» к России и Путину, проявившихся на фоне сирийского кризиса, мы постарались проанализировать выше. В чем же причины негативных

подходов? Их немало, и среди них обычные, давно устоявшиеся и в Америке, и на Западе в целом: это остаточные настроения «холодной войны» (которую ведущий американский исследователь Стивен Коэн считает то ли вообще никогда не прекращавшейся, то ли сменившейся «новой холодной войной»); это классическая западная русофобия; это негативное влияние крайне отрицательно настроенных в отношении к России эмигрировавших в США представителей национальных меньшинств России, бывших республик СССР и стран Восточной Европы; это глубокие геополитические противоречия и противоборство между США и Россией, это манипулирующая роль американских СМИ и другие известные факторы.

Однако налицо и новые причины вражды, о части которых мы уже писали выше. Большинство американцев и особенно элита страны давно, уже двадцать с лишним лет назад спяса на поминках по СССР как по основному своему геополитическому и идеологическому противнику, тем более как по равной им сверхдержаве, с триумфом объявили о себе как о единственном мировом управляющем и долго читали нам лекции, учили нас жить. И факт, что ныне, в период крайне беспокоящего американцев серьезного внутреннего и внешнего ослабления их страны, при прогрессирующем падении в их глазах авторитета и законодательной, и исполнительной власти, на арене вдруг появился «этот Путин», не только на равных дискутирующий с ними, критикующий их, вставляющий палки в колеса американской колеснице, предоставляющий убежище их политическим диссидентам, но и еще спасающий их в момент казавшегося неразрешимым внешнеполитического кризиса, очень многим показался оскорбительным.

На эту тему в ведущих американских СМИ появились многозначительные публикации известных политологов и журналистов. Так, Алан Коуэлл уже в начале октября опубликовал в «Нью-Йорк таймс» статью под заголовком «Москва переписывает дипломатическую партитуру», в которой отмечалось, что на протяжении десятилетий протагонисты «холодной войны» сдерживали локальные конфликты от их перерастания в кризис, способный вызвать конфронтацию между двумя самыми мощными ядерными державами. По окончании «эпохи оледенения» в связи с обвалом Советского Союза, многие начали говорить о том, что неожиданно ставший монополярным мир оказался в плену возвышающейся Америки.

Однако с учетом последнего, правда, еще не прошедшего проверку на прочность сближения между Россией и администрацией Обамы, в сочетании с также внезапным потеплением в отношении Ирана, в котором также нет полной уверенности, подобные знакомые расчеты стали меняться.

И хотя никто не говорит о возвращении к обычному состоянию «холодной войны», Россия, про словам Коуэлла, «проделала определенный путь к переутверждению себя как противовеса Соединенным Штатам, что отражает долго-

временное стремление Владимира Путина к восстановлению мирового влияния своего государства».

В результате его сирийской инициативы, признается в статье, помимо ее воздействия на собственно американскую внутреннюю и внешнюю политику, оказались оттеснены на дипломатическую обочину некоторые из ключевых европейских союзников США, а признаки сближения Вашингтона с Тегераном (ставшие результатом все той же инициативы) неожиданно антагонизировали традиционных арабских партнеров Соединенных Штатов и их ближайшего союзника — Израиль. Эти страны годами строили свою политику на использовании в своих целях взаимной американо-иранской вражды.

Как отметил Ян Бонд, специалист по внешней политике Центра европейских реформ — исследовательской организации в Лондоне, российский министр иностранных дел Сергей Лавров (как в свое время и его знаменитый советский предшественник А.А. Громыко — Л.Д.) рассматривался Западом как «Мистер Нет» в плане противодействия попыткам отстранения от власти Башера Асада. «И вдруг, - сказал Бонд, - вы увидели с его стороны скорее умелую, квалифицированную дипломатию», которая заставила обамовскую администрацию уклониться от подготовки к карательному военному удару».

Наибольший интерес представляет приводимое в статье мнение редактора германского еженедельника «Цайт» Ульриха Ладурнера, подводящее итог целому периоду т.н. американского триумфализма после развала СССР: «Соединенные Штаты более не в состоянии в одиночку формировать политику дня на Ближнем Востоке. Это стало особенно очевидным применительно к Сирии. Обама нуждается в помощи России в сирийском лабиринте. Соединенным Штатам нужны партнеры» (выделено мной — Л.Д.).

К этому нужно только добавить, что в том же октябре в США стали появляться призывы именно по причине их выявившейся вдруг «уязвимости» на Ближнем Востоке начать сворачивать там военно-дипломатическую активность, перенаправив ее в «новый поворотный пункт» мировой геополитики — в Азию. Однако авторы этих призывов как-то упускают из виду, что в этом случае Обама, вылезая из пасти арабского льва, немедленно окажется в окружении азиатских тигров, не говоря уж о всегда находившейся там России Путина, который по разным причинам именно Азию видит главным плацдармом своих геополитических устремлений.

Впрочем, как уже указывалось ранее, в американской элите в целом описанные выше процессы и их оценки вызывают откровенное раздражение. Это ясно видно хотя бы из статьи считающегося одним из ведущих американских специалистов по России Томаса Грэма, долго работавшего ведущим аналитиком посольства США в Москве и бывшего здесь любимцем наших либеральных СМИ,

голосом «вашингтонского обкома», к руководящим оценкам которого касательно внутренней политики России они с благоговением прислушивались.

На сайте Йельского университета, где он сейчас работает, Грэм в середине сентября с нескрываемым оттенком недоброжелательности отмечал, что «Россия вновь выплывает на мировую сцену. Со своей инициативой по ликвидации сирийского арсенала химического оружия российский президент Владимир Путин ввел Россию на Ближний Восток в качестве ключевого игрока впервые с развала Советского Союза... Разумеется, многое еще может пойти не так и перечеркнуть путинский тактический выигрыш, однако сейчас российский лидер выглядит как идущий след в след за Обамой».

Далее Грэм утверждает, что «вопреки широко распространенному мнению, что якобы пребывает в растерянности, будучи обставлена русскими, администрация США организовала утечку, согласно которой утверждается, что именно она еще 18 месяцев назад сыграла решающую роль в формулировании путинского предложения. При этом США позволили Путину записать себе в плюс эту инициативу для того, чтобы именно он взял на себя всю полноту ответственности за ее реализацию... Месяцы, если не годы отделяют нас от окончательной ликвидации химического оружия, и многое за это время может пойти не так».

У автора этой статьи указанный изыск Томаса Грэма вызывает, мягко говоря, большие сомнения. Американская дипломатия последних десятилетий, включая нынешнюю, совершенно не производит впечатления той интеллектуальной, «толейрановской» изощренности, которую он ей пытается приписать (иных уж нет — того же Джорджа Кеннана — а те далеке). За этим его абзацем — прежде всего обида на обскакавших госдеп на этот раз Путина с Лавровым...

Грэм с предельным раздражением признает, что «на данный момент Путин продвинул российские интересы не только в Сирии, но и в значительно более широком контексте... Годами он выступал против того, что рассматривает как американские гегемонистские устремления, пренебрежение со стороны США нормами международного права, попираание государственного суверенитета и злоупотребление принципами гуманитарной интервенции для свержения нежелательных им режимов... Он неоднократно пытался встать на пути Соединенных Штатов без большого успеха и с минимальной международной поддержкой. Но на этот раз на саммите G-20 в Санкт-Петербурге он все же переиграл Обаму».

Далее Грэм признает и то, что сразу вслед за этим «именно путинская инициатива спасла Обаму от унижительного поражения в конгрессе, где сопротивление его военному выбору росло с часу на час, что отражало одновременно и слабость Обамы, и широко распространенные на Западе сомнения в мудрости политики США».

Но признавая, что Путин, «возможно, навсегда» отложил использование американской военной мощи против Асада, Грэм тут же злорадствует по поводу

того, что российский президент сделал это «безо всякого сомнения, к величайшему облегчению своих собственных генералов... Путину не нужна была еще одна наглядная демонстрация того, как далеко отстали российские вооруженные силы или в напоминании остальному миру о цене, которую каждый заплатит, встав на пути Соединенных Штатов».

Однако после этого выпада, Грэм тут же вновь вынужден перейти к горьким признаниям. По его словам, «держат вооруженные силы США в безвыходном положении является главным в усилиях Путина по восстановлению российского влияния, особенно на Ближнем Востоке. Возможно, ведущие арабские страны в отличие от Путина и хотели бы отставки Асада, но они уважают силу, также как ее уважают Иран и Израиль. Решительность Путина вкупе с очевидной амбивалентностью Обамы в отношении использования силы и более глубокого вовлечения США в ближневосточные дела, приведет к пересмотру региональными державами их стратегии с точки зрения большего внимания к России».

В то же время, пишет Грэм, Путин продвинул на сирийском направлении два важнейших приоритета России: предотвращение организованного США изменения режима в этой стране и противостояние радикальному исламу как самому непреклонному оппоненту Асада.

И далее он подчеркивает главную вынужденную необходимость, перед которой при всей униительности для себя оказался Вашингтон: инициированная Москвой ликвидация сирийского ядерного оружия, с чем вынужден был согласиться Обама после провала его попытки использовать этот фактор как предлог для военного подавления Асада, сегодня требует сохранения того же самого Асада у власти: никто кроме него не знает объемов и мест хранения этого оружия; только он может обеспечить безопасность для специалистов, присланных ООН для его уничтожения. Еще недавно призывая к его отставке, Вашингтон сегодня оказался заинтересован в нем как в партнере, причем на достаточное время, которое позволило бы правительству Дамаска подавить вооруженную оппозицию и одержать победу. Это поняли и оппозиционеры: глава Свободной Сирийской Армии генерал Салим Идрис вплотную подошел к обвинению американцев в предательстве.

И это в ситуации, когда Запад, в особенности США, уже и так тошнит от осознания того, что в этой оппозиции на ведущие позиции выдвинулись радикалы и экстремисты. В этой ситуации Путин рассчитывает на то, считает Грэм, что именно они и станут лицом этой оппозиции, а это в принципе подорвет всю западную антиасадовскую политику и заставит сосредоточить основное внимание на террористической угрозе. Отсюда вытекает, что планируемая конференция Женева-2, которая по расчетам Запада должна была легитимизировать отстранение Асада от власти, сегодня, в случае если ее удастся провести, вряд ли приведет к подобному результату.

Интересно, как подобные вынужденные признания Грэма коррелируют с высказываниями такого общепризнанного корифея американской и мировой дипломатии, как Генри Киссинджер. В 20-х числах сентября он высказался в том плане, что сирийский конфликт «не может быть решен отстранением одного человека», так как суть конфликта в суннитско-шиитских противоречиях, а не только в том, что у власти Асад.

Но Киссинджер сказал много больше этого. По его словам, России можно доверять, когда речь идет о «продвижении ее интересов». А постановка химического оружия под международный контроль — это как раз тот случай. В отличие от многих других американских специалистов, включая Грэма, Киссинджер заявил, что верит Владимиру Путину, который «определил ликвидацию химоружия в Сирии самым главным интересом своей страны». Как считает Киссинджер (и с ним можно согласиться — Л.Д.), для Путина «самой большой проблемой безопасности является радикальный ислам».

Более того, он указал, что у России и США есть объективная необходимость сотрудничества в разных сферах «в интересах обеих сторон», особенно учитывая большую протяженность российских границ и большую территорию. Хотя, конечно, признал Киссинджер, Россия не станет смотреть на мир с позиций интересов США. Думается, что все это и было предметом обсуждения с В.Путиным в ходе визита Киссинджера в Москву уже в октябре.

Такие люди как Грэм, далеки от подобного признания сложившихся реалий, так противоречащих давно провозглашенным ими же триумфалистским для США сценариям. На фоне развития событий вокруг Сирии, выдавливая он из себя, «не удивительно, что Путин совершил своеобразный «круг почета» со своей статьей в «Нью-Йорк таймс», не без удовольствия просвещая американцев в отношении достоинств международного права, Совбеза ООН и ограниченности возможностей США (на мировой арене). Особую радость он должен был испытать, бросая вызов претензиям на американскую исключительность».

Впрочем, думается, что «соль» статьи Томаса Грэма состоит в ее последнем абзаце: «Нам еще предстоит увидеть, придется ли ему (Путину) пожалеть об этой своей публикации. По крайней мере, сейчас он на коне. Однако его успех — в огромной степени результат нерешительности и разброда в Вашингтоне и президента, оказавшегося неспособным представить убедительные аргументы в поддержку своего с неохотой избранного курса или сформулировать комплексную стратегию как для Сирии, так и для всего региона. Чего Путин должен опасаться, так это того, что его дипломатический успех станет сигналом для мобилизации в Вашингтоне. Он знает, что Соединенные Штаты могут легко вытолкнуть Россию на периферию дипломатии в Сирии и на Ближнем Востоке. Они имеют значительно более обширные ресурсы для влияния на ситуацию, чем Россия. Чего нам не хватает, это воли, а у Путина она есть».

Полностью отдавая себе отчет в том, какое ожесточение и униженную гордыню американской политической элиты отражает публикация Грэма, все же нельзя не согласиться с ним в том, что проявленное нашей дипломатией и лично президентом дипломатическое искусство и находчивость вкупе с его политической волей, а также очевидные на сегодня личные слабости Обамы как политика, общий кавардак в Вашингтоне все же не дают полной уверенности в нашей окончательном успехе. Мы в отличие от СССР эпохи Сталина-Брежнева действительно неслыханно отстали от Штатов в военной и экономической мощи, мировом авторитете и влиянии. И только их возрождение, причем неотложное, сделает наши дипломатические и политические победы в международной политике неоспоримыми.

А Россия — это страна Побед. Без них у нас нет будущего.